

811.511.1'373.21 + 811.17'373.21 +
+ 811.511.112'373.21 + 81'44

Д. В. Кузьмин

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
(Петрозаводск)
kusmiccu@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА ТОПОНИМИЮ ПРИГРАНИЧНОЙ КАРЕЛИИ

В статье проводится детальный анализ явлений, обусловленных влиянием финского языка на карельские говоры Приграничной Карелии. Основываясь на топонимическом материале, автор выявляет ряд основных фонетических, фонетико-морфологических и лексических особенностей, возникших в карельских говорах региона под влиянием финского языка. Согласно концепции автора, наиболее значительный пласт «финнизированных» топонимов Приграничной Карелии связан с наследием переселенцев из губернии Саво, говоривших на восточнофинском наречии, однако в статье рассматриваются и другие источники финского влияния.

К л ю ч е в ы е с л о в а: финно-угорские языки, прибалтийско-финские языки, карельский язык, карельские говоры, Приладожская Карелия, Приграничная Карелия, топонимия, карелоязычная топонимия, финско-карельское языковое взаимодействие.

Финская, или Приграничная, Карелия (фин. *Raja-Karjala*) является северной частью Приладожской Карелии, охватывая территории, расположенные к северу от Ладожского озера. Сейчас часть Северного Приладожья находится в составе Республики Карелия (Суоярвский, Питкярантский и Сортавальский районы), другая часть — в Финляндии, в составе губернии Северная Карелия. Северное Приладожье (исторически Задняя Корела), наряду с Карельским перешейком, известно как регион, где происходило формирование карельского этноса.

© Кузьмин Д. В. , 2013

В границах Финляндии до 1944 г. на этой территории располагалось шесть волостей Салминского уезда, в которых проживало православное карелоязычное население: Импилахти (карел. *Imbilahti*, фин. *Impilahti*), Суйстамо (карел., фин. *Suistamo*), Соанлахти (карел. *Sovanlahti*, фин. *Soanlahti*), Салми (карел., фин. *Salmi*), Суоярви (карел., фин. *Suojärvi*) и Корписелькя (карел. *Korbiselgä*, фин. *Korpiselkä*). Необходимо, однако, отметить, что территория бытования карельского языка в Финляндии в первой половине XX в. была несколько шире. К ней относилась, например, волость Иломанси (карел. *Il'manči*, фин. *Ilomantsi*), а также восточные части волостей Вяртсила (карел. *Värččilä*, фин. *Värtsilä*) и Харлу (карел., фин. *Harlu*), непосредственно граничившие с Финской Карелией с севера и запада. Во второй половине XVII в. упомянутые выше территории входили в состав Сердобольского, Иломанского и Соломенского погостов Корельского уезда Водской Пятины.

Начало освоения Корельского уезда финноязычным населением связано с событиями Ливонской войны. В 1580 г. уезд был захвачен шведскими войсками под командованием П. Делагарди и оставался в составе Швеции до 1595 г., когда Приладожье вновь было возвращено России согласно условиям Тявзинского мира. Наиболее активные действия Шведского государства по заселению карелоязычных территорий финским населением связаны все же с событиями конца 50-х гг. XVII в. После неудачной попытки России отвоевать утраченный в 1611 г. Корельский уезд в русско-шведской войне 1656–1658 гг. большая часть православных карел покинула родовую территорию, переселившись в Россию. Опустевшие земли были заселены финноязычным населением, главным образом новопоселенцами из провинции Саво, или Саволакс. Последнее подтверждается тем, что практически вся территория Приграничной Карелии входит в зону распространения саволакских говоров финского языка. Кроме того, в XVII в. сюда мигрировало население из привыборгских уездов Карельского перешейка.

После Северной войны Приладожье наряду с другими шведскими территориями снова отошло к России, где стало частью Выборгской губернии, а с 1811 г. — частью Великого Княжества Финляндского в ее составе.

Уже в конце XVII в. на территории Кексгольмского лёна (в бывшем Корельском уезде) основу населения составляли финны. Исключением была Приграничная Карелия, где даже в начале XX в. Во всех волостях этническим большинством оставалось карелоязычное население, а карельский язык оставался родным для 80 % населения вплоть до начала Второй мировой войны [Наракка, 2]. В то же время к началу XX в. на карелоязычных территориях Финляндии ощущалось влияние финского языка, которое было особенно заметно в западных частях волостей Импилахти, Суйстамо, Соанлахти и Корписелькя, а также в восточной части прихода Иломанси, где финнов проживало примерно столько же, сколько и карел.

В первые десятилетия XX в. Приграничную Карелию населяло достаточно много финнов, говоривших на восточных говорах финского языка; приблизительно половина этого населения (около 11 500 чел.) проживала в самых южных приходах: Импилахти (более 7 000 чел.) и Салми (около 4 500 чел.). Тем не менее, языком большинства в Приграничной Карелии был все же карельский язык (см. табл. 1).

Таблица 1

Приход	Иломантси 1860 г.	Импилахти 1939 г.	Корписелья 1939 г.	Салми 1939 г.	Соан- лахти 1939 г.	Суйстамо 1939 г.
Конфесси- ональная принадлежность населения						
Православные (≈ карелы)	2 968 27,5 %	7 055 50 %	2 281 64 %	9 710 69 %	1 396 58 %	7 650 85 %
Лютеране (≈ финны)	7 744	7 135	1 303	4 457	1 004	1 336

Следует отметить, что в Приграничной Карелии, несмотря на незначительность ее территории, карельский язык не был единым. Основным здесь являлся южнокарельский диалект собственно карельского наречия, но в отдельных зонах — иногда даже в пределах одного прихода — были представлены отличающиеся друг от друга говоры. На наиболее чистом южнокарельском диалекте говорили только в северной части прихода Суоярви и в восточных частях Иломантси, т. е. в деревнях, располагавшихся в непосредственной близости с Поросозерской волостью, на границе с СССР. Ливвиковское наречие использовалось в приходах Импилахти и Салми, а также в восточных частях Суйстамо и Суоярви¹. Наиболее «пестрыми» в языковом отношении являлись ливвиковские говоры прихода Импилахти, где в речи населения, помимо влияния собственно карельского языка, отражалось влияние саволакских и юго-восточных говоров финского языка. В Иломантси и Корписелья, а также в западных частях Импилахти и Суйстамо бытовали говоры, переходные между собственно карельскими и саволакскими. Это связано с тем, что на карельский язык самых западных деревень, находящихся на карело-финском пограничье, восточнофинские говоры оказывали влияние уже несколько столетий. В целом же к концу 1930-х гг. сохранение архаичных черт карельского языка в Приграничной Карелии наилучшим образом прослеживается при продвижении с запада на восток, в сторону границы с Советским Союзом.

¹ Ливвиковское влияние отмечается во многих частях Приграничной Карелии, за исключением самых западных и северных ее территорий.

Что касается карелоязычной топонимии региона, то основной этап ее сбора пришелся на середину 1960-х гг. Разумеется, за четверть столетия карельский язык не сохранился таким, каким он был в конце 1930-х гг. на родовой территории до полной эвакуации населения. Как собиратели топонимии того времени, так и сами информанты-карелы свидетельствовали о том, что сохранение «прежнего», «чистого» карельского языка было явлением достаточно редким, особенно у людей моложе шестидесяти лет. Например, родившийся в 1910 г. Й. Куханен в интервью заметил, что его родители, а особенно их родители, говорили «совсем на другом языке», т. е. на языке более архаичном, чем тот, на котором говорят сейчас [NA]. К середине 1960-х гг. на язык карел во многом повлияли восточнофинские говоры губернии Саво — региона, куда с 1939 по 1944 г. была эвакуирована значительная часть карельского населения. Немаловажными проводниками финского влияния были также школа и литературный финский язык. Как отметил в 1964 г. финляндский исследователь М. Есканен, значительная часть молодого поколения карел, рожденного в 1930-е гг., является уже практически финноговорящей [Там же]. Быстрое исчезновение карельского языка в Финляндии неудивительно, поскольку карельский очень близок к финскому, а близкородственным языком — при условии попадания в языковую среду — легко овладевает любой говорящий. Наиболее же архаичная карельская речь в 1960-е гг. сохранялась у представителей старого поколения, рожденного в конце XIX — начале XX в.

Естественно, что в этой ситуации не осталась неизменной и топонимия: многие географические названия приобрели черты, свойственные либо восточнофинским говорам, либо финскому литературному языку. В практике собирателей 1960-х гг. нередки случаи, когда форма одного и того же топонима неоднократно менялась даже в речи одного и того же информанта, поэтому было достаточно сложно выяснить, какая из упомянутых форм является исходной. Стариков, которые бы хорошо помнили прежнюю карелоязычную топонимию, оставалось к тому времени немного, а диалект среднего поколения, как и традиционные карельские названия, стал постепенно выходить из употребления. Собиратели 1960-х гг. отмечают также, что лучше всего топонимия и диалект сохранялись у тех, кто по роду деятельности мало соприкасался с новой действительностью и кто в силу профессии был связан ранее с охотой и рыболовством [NA].

Старая традиционная топонимия сохранялась прежде всего в именах крупных природных объектов, особенно водных. В то же время многие из таких имен являются относительно поздними: они появились в последней трети XIX в. В результате земельной реформы и к середине XX в. приобрели статус «народных». Подобная ситуация наблюдается в микротопонимии и в названиях домов. Например, многие хранящиеся в топонимическом архиве Финляндии названия домов не использовались в среде карельского населения рубежа XIX–XX вв., т. е. имели только официальный статус — однако в 1960-е гг. они стали «народными», поскольку новое поколение тогда уже не помнило традиционных неофициальных названий [NA].

Таким образом, в 1960-е гг. значительная часть карелоязычной топонимии представляла собой своеобразный гибрид, соединяющий черты карельского языка, восточнофинских говоров и финского литературного языка. Эту «гибридность» хорошо отражают параллельные формы названий, ср.: *Kagrahanmäk* — *Kagrahanmägi*, *Kankaanmägi* — *Kangahanmägi*, *Katajamägi* — *Kadajamägi*, *Kinnarisenmägi* — *Kinnarizenmägi*, *Koposenmägi* — *Kobozenmägi*, *Kotimägi* — *Kodimägi*, *Kul'l'unkallio* — *Kul'l'unkallivo*, *Lintumägi* — *Lindumägi*, *Losonranda* — *Lozoranda*, *Matomägi* — *Madomägi*, *Multamägi* — *Muldamägi*, *Mutalahenpeldo* — *Mudalahentenpeldo*, *Mägiahonjalkapolku* — *Mägiahonjalgapolgu*, *Mäkrämägi* — *Mägrämägi*, *Petäjikkömägi* — *Pedäjikkömägi*, *Rinteenselgä* — *Rindienselgä* и др.

Далее, основываясь на топонимическом материале, представим более подробный анализ тех явлений, в которых можно видеть исчезающие черты карельского языка и традиционных карелоязычных названий:

— глухие взрывные на месте звонких взрывных, ср.: дор. *Savitoroka* — *Savidoroga* (Уоаа, Имп.), оз. *Luopahaine* — *Luobahaine* (Леппясюрья, Суйст.), дом *Kankahan Kirilä* — **Kangahan Kirilä* (Виексинки, Корп.);

— отсутствие консонантных групп в начале слова, ср.: бор *Liittakangas* (Буотониemi, Илом.) ~ *liitta*, *pliitta* ‘каменная плита’; руч. *Lotinanpuro* (Хойлола, Корп.) ~ *lotina*, *plotina* ‘плотина’; бер. *Lehmivuaranristani* (Лехмиваара, Корп.) ~ *rista(ni)*, *brista(ni)* ‘пирс, пристань’; плотина *Romovantammi* / *Gromovantammi* (Корп.) < Громов (фамилия); дом *Linnikkala* (Ялонваара, Суйст.) < *Блинникка* (фамилия);

— переход согласного в гласный перед сонорным, ср.: возв. *Kaura-aho* — *Kagrahanmäk* (Ньетъярви, Имп.), возв. *Kauravuara* (Хиппола, Имп.), бол. *Teerisuo* — *Teirisuo* — *Tetrisuo* (Ньетъярви, Имп.), фамилия *Kauris* — *Kabris* (Салонкюля, Суояр.), имя *Гавриил*: *Kauro* — *Kabri*;

— *s, š* на месте *š, z, ž*, ср.: *kanervašikko* — *kanervašikko* ‘место, поросшее вереском’, *kazes* — *kases* ‘подготовленная к сжиганию подсека’, *kažleikko* — *kašleikko* ‘заросли тростника’, *kuuzikko* — *kuusikko* ‘ельник’, *mužikku* — *mušikku* ‘мужчина’, *rasi* — *raži* ‘подсека, оставшаяся невыжженной’, *šuari* — *suari* ‘остров’, *Zaga* — *Saka* (имя *Захар*), оз. *Žoltti* — *Soltti* (Суояр.); д. *Maižu* — *Maisu* (Лоймола, Суйст.), возв. *Huabažima* — *Huapašima* (Варпакюля, Суояр.);

— утрата *-h-* в интервокальной позиции: *kankaan* — *kangahan* (gen. от ‘бор’), д. *Kaipaa* — *Kaibahankylä* (Суояр.), руч. *Kollaanoja* — *Kollahanjogi* (Лоймола, Суйст.), оз. *Muntaanjärvi* — *Muntahanjärvi* (Толваярви, Корп.), оз. *Roukkeenlampi* — *Roukkehenslampi* (Петаяселькя, Суйст.), возв. *Kankaanmägi* — **Kangahanmägi* (Сумерия, Имп.), мыс *Kuoppeenniemi* — *Kuoppehenniemi* (Уоаа, Имп.);

— переход *č(ć)* и *č'* > *ts*, ср.: (в топонимии) оз. *Ihačunjärvi* — *Ihatsunjärvi* (Ихачу, Суйст.), возв. *Laččimäki* — *Latsipaikka* (Пурооваара, Имп.), ск. *Pač'askallii* — *Patsaskallii* (Кителя, Имп.), о-в *Rupičču* — зал. *Rupitsunlahti* (Сумерия, Имп.), возв. *Peč'olanvuara* — дом *Petsula* (Хойлола, Корп.), возв. *Riäč'ynvuara* — *Riätsynvuara* (Соан.); (в антропонимии) *Peč'u* — *Petsu* (имя *Пётр*), *Čoppi* — *Tsoppi* (имя *Степан*),

Čokkine — *Tsokkinen* (род) (Чокки, Корп.), *Lyč’u* — *Lytsy* (род) (Сарка, Суйст.), *Maččine* — *Matsinen* (род) (Варпакуля, Суояр.; Руокоярви, Имп.), *Pančo* — *Pantsu* (род) (Хунукка, Имп.), *Tauč’i* — *Tautsi* (род) (Руокоярви, Имп.);

— переход *č > s*, ср.: о-в *Časounasoari* — *Siässynäsoar(i)* (Хунттила, Имп.), оз. *Čirgoijärvi* — *Sirkoinjärvi* (Ууксуярви, Суйст.), мыс *Čoroinniemi* — *Sorronniemi* (Хюрсюля, Суояр.), д. *Čikki* — *Sikki* (Корп.), возв. *Čäkinselkä* — *Säkinselekä* (Куйкка, Соан.);

— переход *č(č) > t(t)*, ср.: покос *Nebräčči* — *Nebriätti* (Кютёсюрья, Имп.), р. *Ruočakko* — *Ruot’akko* (Пюориттая, Суйст.), возв. *Ruočinaho* — *Ruotinaho* (Риеккала, Корп.), оз. *Ščirvanlambi* — *St’irvanlambi* (Мойссиенваара, Суояр.);

— исчезновение чередований *lg // ll, rg // rr, st // ss* в падежных формах, ср.: *sellän > selän (selgä)*, *orron > oron (orgo)*, *perron > peron (pergo)*; руч. *Mustanlaminpuro* — *Mussanlaminpuro* (Виесинки, Корп.);

— склонение слова *lambi / lampi* ‘лесное озерко’ по типу основ на *-e*, ср.: родник *Lammensilmä* — **Lamminsilmä* (Сумерия, Имп.).

Что касается отраженных в топонимии явлений, присущих восточнофинским саволакским говорам, то их ряд выглядит следующим образом:

— появление «шва» (или редуцируемого гласного), ср.: возв. *Eteläselegä < selgä*, мыс *Jylyheikkö < jylheikkö*, бор *Jylymäkänkankas < jylmäkkö*, оз. *Sulugulammit < sulgu*;

— редукция дифтонгов: переход конечного гласного дифтонга *-i, -u, -y > -e, -o, -ö*, ср.: д. *Laitizenkylä* — *Laetizengylä*, возв. *Taivaššielgy* — *Taevaššielgy*, *Laudukatokzienmägi* — *Laodukatokzienmägi*, возв. *Toineselgy* — *Toeneselgy*;

— переход *-čč- > -ht-*, ср.: оз. *Meččikanajärvi* — *Mehrtikanajärvi*, поле *Meččäpelto* — *Mhtëpelto*, руч. *Veiččipuro* — *Vehtipuro*;

— ассимилятивный переход *-nk- > -nn-*, ср.: боры *Lutunkannas, Mastokannas, Houshuavankannas (< kangas)*;

— переход на финский слабый тип основы, ср.: мыс *Huu’onn(i)eem < huuto >* (карел. *Huuvon-*), ложб. *Koannotko < kota >* карел. *Kovan-*, бол. *Raanvarssuo < rata >* карел. *Ravanvarsi-*;

— геминация, ср.: бол. *Aukkeesuo (Aukie-)*, бер. *Korriigiviranda (Koriakivi)*, ур. *Kylmännytaho (Kylmänyt-)*, зал. *Majjuatlahti(i) (Majualahti)*, о-в *Hoppeesuar’ (Hopie-)*, ур. *Hotteirraivijo (Hotein-)*;

— появление *-j-* на месте карел. *-v-*, ср.: *Iljanautijo, Iutanautijo* (при карел. *autivo* ‘пустошь’); *Meččäkallijot, Korgiekallijo* (при карел. *kallivo* ‘скала’); *Raunijo* (дом) при карел. *raunivo* ‘развалины, груда камней’; ср. также имеющий финский фонетический облик апеллятив *tullivardijo* ‘караульная служба на границе’;

— палатализация согласного в конце слова, ср.: о-в *Hobiesuar’*, о-в *Randa-suar’*, возв. *Kel’vuara*, оз. *Kot’därvi*;

— выпадение конечного гласного *-i* в детерминантах, ср.: ель *Goštelankuus*, возв. *Kagrahanmäk (-mäki)*, возв. *Griišanmäk (-mäki)*, покос *Juvanjoivars (-joivarsi)*,

покос *Jogivarsnurmi* (*Jogivarsi-*), о-в *Rabasoar* (*-soari*), о-в *Kanavušuar* (*-šuari*), оз. *Ruogärv* (*-järvi*), оз. *Hanholamb* (*-lambi*);

— выпадение конечного гласного *-i* в атрибутивной части топонима, ср.: о-в *Kivluodo* (*Kivi-*), возв. *Korpselgä* (*Korpi-*), мыс *Kelniemi* (*Keli-*), мыс *Kualniemi* (*Kuali-*), бер. *Suurhiecka* (*Suuri-*);

— появление сочетания гласных *-ia/-iä* в конце слова на месте карел. *-ie/-ei*, ср.: камень *Koriakivi* (карел. *korie*), пор. *Leviäkосki*, руч. *Leviäoja* (карел. *levie*, *levei*), р. *Hiihniänjoki* (карел. *Hiihnie-*); антропоним *Hobiabarta* (карел. *Hobieparta*);

— переход дифтонгов и сочетаний гласных *ea/eä/ie/ia/iä/io* в *-ee* или *-ii*, ср.: оз. *Huosiilambi* (*Huosie-*), мыс *Nagrisneemi* (*-niemi*), выгон *Nasareenobota* (*Nasarein-*), возв. *Ronteenmägi* (*Rontien-*), о-в *Kuoliisuar* (*Kuolie-*), бер. *Silliiranda* (*Silie-*); антропоним *Valgii-Vas'a* (*Valgie-*).

Кроме того, в топонимии Приграничной Карелии неоднократно фиксируются названия, которые содержат лексику, характерную или для литературного языка, или широко бытующую в финских народных говорах, ср.: *tullivardijo* (фин. *tullivartio* ‘ караульная служба на границе ’), поле *Apteekinpeldo* (фин. *apteekki* ‘ аптека ’), возв. *Eteläselegä* (фин. *etelä*, карел. *suvi* ‘ юг ’), возв. *Isokul'l'u* (фин. *iso*, карел. *suuri* ‘ большой ’), о-в *Karhusuar*, оз. *Karhulampi* (фин. *karhu*, карел. *kond/ie*, *-ei* ‘ медведь ’), бер. *Meijerinranta* (фин. *meijeri* ‘ маслодельня ’), возв. *Mustikkamägi* (фин. *mustikka*, карел. *mussikka*, *must'oi* ‘ черника ’), поле *Myllypeldo*, мельница *Hilippälänmylly* (фин. *mylly*, карел. *melličč/y*, *-ä* ‘ мельница ’), о-в *Mökkisuari* (фин. *mökki* ‘ избушка ’), поле *Navetanpeldo* (фин. *navetta*, карел. *liäv/y*, *-ä* ‘ хлеб ’), бол. *Torppusuo* (фин. *torppa* ‘ арендуемый земельный участок ’).

Приведенные лексемы, впрочем, нередко имеют общефинское распространение, поэтому на основании их фиксации в карельских говорах и топонимии невозможно делать выводы о том, откуда они проникли в Приграничную Карелию. В то же время в топонимии региона выявляется несколько моделей-маркеров, распространение которых все-таки позволяет реконструировать некоторые исторические особенности освоения данного региона. В частности, в этом отношении показательны такие гидронимические типы, как *Hietajärvi/-lampi*, *Hoikkajärvi/-lampi*, *Louhilampi*, *Pahakala*, *-puro* [Кузьмин, 2011, 45–56]. Основной ареал их бытования находится в восточной Финляндии на территории Саво, откуда они, видимо, и проникли в Приграничную Карелию с притоком сюда восточнофинского населения.

Кроме того, на территории исследуемого региона выявляется ряд топонимических моделей, распространение которых указывает на связи Приграничной Карелии с другими диалектными зонами финского языка. С большой долей уверенности можно говорить о том, что их появление может быть увязано с освоением региона в XVII в. выходцами с территории Шведского королевства. Соотношение ряда моделей, известных в Приграничной Карелии, с их исконными историческими ареалами Финляндии представлено в табл. 2 (см.).

Таблица 2

Термин / топонимная модель	Примеры из топонимии Приграничной Карелии	Основной ареал в топонимии Финляндии
<i>neva</i> 'болото'	<i>Lakkaneva</i> (Соан.) <i>Reposärkänneva</i> (Соан.)	Приботния
<i>räme</i> 'сырое болотистое место'	<i>Kiččasuo nräme</i> (Куйкка, Соан.) <i>Rahkaräme</i> (Имп.)	средняя и северная Приботния
<i>mukkula</i> 'небольшая горка округлой формы'	<i>Mukkulanmäki</i> (Керисюрья, Имп.)	южное Саво и южное Хяме
<i>pykälistö</i> 'участок леса, помеченный зарубками'	<i>Pykälistönmäki</i> (Мурсула, Имп.)	Хяме и южное Саво
<i>raisio</i> 'расчищенный покос в лесу'	<i>Raisiinmägi</i> (Хунттила, Имп.)	западное Хяме
<i>palleikko</i> 'возвышенное место, где много склонов'	<i>N'ua kanpalleikko</i> (Коконниеме, Суояр.)	юго-восточная Финляндия (Карельский перешеек)
<i>santa</i> 'песок, пески'	<i>Satisensanta</i> (Хиппола, Имп.)	юго-западная Финляндия
<i>puro</i> 'ручей'	<i>Minkinpuro</i> (Орусъярви, Салм.) <i>Kas s' unpuro</i> (Толваярви, Корп.)	Саво
<i>putro</i> 'родник'	<i>Putrot</i> (Метсякюля, Имп.)	Саво
<i>hevonperse</i> букв. 'зад лошади'	<i>Hevonperze</i> (поле) (Нийнисюрья, Суйст.) <i>Hevonperse</i> (зал.) (Корп.)	среднее и северное Саво
оз. <i>Hietajärvi/-lampi</i> <i>hieta</i> 'песок'	<i>Hietajärvi</i> (Суояр.) <i>Hietjärvi</i> (Леппясюрья, Суйст.)	южное и северное Саво
оз. <i>Hoikkajärvi/-lampi</i> <i>hoikka</i> 'тонкий'	<i>Hoikkalampi</i> (Корп.) <i>Hoikkajärvi</i> (Илом.)	среднее и северное Саво
оз. <i>Louhilampi</i> <i>louhi</i> 'большой камень, глыба'	<i>Louhilammit</i> (Корп.) <i>Louhilampi</i> (Хяттиля, Имп.)	восточное Саво
оз. <i>Pahakala / Pahakalainen</i>	<i>Pahakalainen</i> (Саариваара, Корп.) <i>Pahakalalampi</i> (Остронсаари, Илом.)	восточное Саво

Подводя итоги, отметим, что к началу 40-х гг. XX в. влияние финской культуры и языка (прежде всего восточнофинских говоров) проявляется в Приграничной Карелии на многих уровнях.

В топонимии региона прослеживается два основных пласта финноязычных названий: традиционные восточнофинские топонимы (реже — типичные топонимы других диалектных зон) и относительно поздние географические имена, появившиеся, главным образом, под влиянием финского литературного языка в процессе употребления их саволакским населением.

К первой группе относятся топонимические модели, которые восточнофинское население «принесло» с собой с территории Саво в конце XVI и в XVII в. К этой группе можно отнести также географические названия, образованные на основе лексики, свойственной восточнофинским говорам (прежде всего топонимы, в которых закрепились географические термины саволакского происхождения). Ко второй группе могут быть отнесены финноязычные варианты карелоязычных топонимов, закрепившиеся первоначально на официальном уровне в результате общегосударственного землеустройства и картографических работ, но получившие со временем официальный статус и в среде карельского населения.

Открытым остается вопрос, в какой мере упомянутые выше черты, свойственные восточнофинским диалектам и финскому литературному языку, бытовали в топонимии и языке Приграничной Карелии в 1930-е гг. и ранее? То, что они существовали в то время, не вызывает сомнений — подтверждением могут быть, например, записи, сделанные в 1930-х — начале 1940-х гг. Другой вопрос — были ли эти черты настолько распространенными, как об этом свидетельствует материал, собранный в 1950–1960-е гг.? Решение этих вопросов требует дальнейшего исследования.

Кузьмин Д. В. Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Тр. Карел. науч. центра РАН. 2011. № 6. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып. 2. С. 45–56.
Haarakka P. Karjalan kieli Suomessa (Esitelmä valtakunnallisilla kotiseutupäivillä Valtimolla 8/2001). NA — Suomen nimiarkisto (Научный топонимический архив НЦ Финляндии, Kotus).

Рукопись поступила в редакцию 12.12.2012 г.

D. V. Kuzmin

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

kusmiccu@hotmail.com

**FINNISH LANGUAGE INFLUENCE
ON BORDER KARELIAN TOPONYMY**

The article provides a detailed analysis of toponymic facts determined by the Finnish language influence on the border Karelian dialects. On the basis of toponymic data, the author reveals a number of phonetic, morpho-phonetic and lexical features of the Karelian dialects in question brought by the Finnish language. According to the author's theory, the greater part of the border Karelian "finnicized" toponyms is due to the Savonian migrants' legacy, Savonians speaking an East Finnish dialect, but the article also considers other sources of the Finnish influence.

Key words: Finno-Ugric languages, Balto-Fennic languages, Karelian language, Karelian dialects, Ladoga Karelia, border Karelia, toponymy, Karelian toponymy, Finno-Karelian language contacts.

Haarakka, P. (2001, August). *Karjalan kieli Suomessa* (Esitelmä valtakunnallisilla kotiseutupäivillä Valtimolla) [The Karelian Language in Finland: Lecture on the National Day of Local Heritage, Valtimo].
Kuzmin, D. V. (2011). Nasledie savolaksov v toponimii Karel'ii [Savonian Heritage in the Toponymy of Karelia]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*, 6(2), 45–56.